ОТНОШЕНИЕ ГАГАУЗОВ К СМЕШАННЫМ БРАКАМ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ АДАПТАЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТЫ

Елизавета КВИЛИНKOVA

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы
Национальной академии наук Беларуси

The attitude of Gagauz to inter-ethnic marriages in the context of adaptation culture and ethnic tolerance: the past and nowadays contexts

The article examines the attitude of the Bessarabian Gagauz to mixed marriages. Their inherent ethnic preferences in this matter are revealed. Through the attitude towards mixed marriages, their culture of adaptation and the degree of ethnic tolerance are analyzed. The reasons for a certain distance between the Gagauz and the Bulgarians in the issue of concluding mixed marriages are considered. Based on the results of ethnosociological studies, the author concludes that the Gagauz people are a community that is quite open for intercultural contacts and interaction, but at the same time capable of resisting assimilation processes. It is emphasized that an integral part of the ethnic consciousness of the Gagauz people is a tolerant attitude towards other peoples and cultures, which is also manifested in a rather large number of mixed marriages. It is noted that this attitude is «registered» in the Gagauz code of traditional moral values and is passed down from generation to generation.

Keywords: Gagauz, mixed marriages, ethnic tolerance.

Изучение характерных для наций и этнических групп установок, выражающих отношение к межэтническим бракам, является важным, поскольку позволяет выявлять степень их влияния на межнациональные отношения, а также дает возможность рассмотреть смешанные браки через призму этнической толерантности и культуры адаптации.

Степень распространенности этнически смешанных браков зависит от ряда факторов: характера этнического сознания, конфессиональной принадлежности представителей взаимодействующих этносов, близости/дальности между ними культурной дистанции, сформировавшихся гетеростереотипов, системы отношения свой–чужой и др. Важную роль в этом играют конкретно-исторические условия и характерная для данного этнокультурного пространства традиция коммуникации: длительность сосуществования этносов, распространенность двуязычия (или полиязычия), степень адаптации иноэтнических групп, глубина культурного взаимодействия и взаимовлияния между этносами, характерность традиции толерантности в условиях полиэтничности и/или поликонфессиональности, история межэтнических взаимоотношений, характер/культура межэтнического общения, стереотипы поведения и др.

Целью настоящей статьи является изучение отношения бессарабских гагаузов к смешанным бракам и выявление свойственных им этнических предпочтений в этом вопросе. Данная проблема, рассматриваемая в двух контекстах – историческом и современном, анализируется автором через

призму культуры адаптации, этнической толерантности, а также этнического сознания.

На протяжении многих веков гагаузы жили по соседству с болгарами и тесно взаимодействовали с ними, что отражено в материальной и духовной культуре. Вместе с тем как на Балканах, так и в Бессарабии они образовывали по большей части моноэтнические села. Родители давали сыну благословение на брак в том случае, если девушка могла изъясняться на «тюркчя» и, соответственно, была той же веры – православной. Указанного правила гагаузы Болгарии придерживались вплоть до середины XX в. (Квилинкова 2005). Помимо этого, гагаузы соблюдали принцип эндогамии (запрет на брак вне своего села), который являлся у них одним из способов сохранения собственной этничности.

В Бессарабии гагаузы и болгары селились компактно по соседству, создавая по мере возможности мононациональные села. Они находились в общем социально-экономическом и этнокультурном пространстве: придерживались единых обычно-правовых норм; жили в соответствии с законами, действовавшими для задунайских переселенцев; тесно взаимодействовали друг с другом и с молдаванами, у которых они перенимали элементы материальной и духовной культуры (Квилинкова 2002, 2005, 2007, 2010–2017, 2020а).

Несомненно, знание языка мажоритарного или соседних этносов оказывает влияние как на включенность иноязычной группы в этнокультурное пространство, так и на распространенность этнически смешанных браков. В связи с этим отметим, что гагаузы в основной своей массе не владели ни болгарским, ни молдавским языками. При этом, несмотря на длительное совместное проживание с болгарами (в течение многих веков), смешанных браков между ними значительно меньше, чем между гагаузами и молдаванами, с которыми они проживают по соседству значительно более короткий период времени (чуть более 200 лет). Сложившаяся ситуация вызывает вопросы, поскольку все указанные этносы являются представителями одной и той же конфессии (являются православными) и для них характерна близкая культурная дистанция.

Отсюда следует, что такие значимые факторы, как знание языка, религиозная общность и культурная близость, оказывают большое влияние на распространенность этнически смешанных браков, но все же не являются определяющими. Значит, причина имеющей место дистанцированности гагаузов от болгар кроется, по-видимому, в этническом самосознании, что требует специального изучения (Квилинкова 2020б).

Для некоторой конкретизации происходивших в Бессарабии в конце XIX – начале XX в. процессов приведем наблюдение В. А. Мошкова, которое, впрочем, не способствует уточнению причин упомянутого выше явления: «Везде, где мне приходилось быть у гагаузов, я замечал их недружелюбное отношение к болгарам, хотя у этих двух народов во всем, начиная с костюма и внешнего быта, много есть общего. Смешение между ними при помощи брака бывает, но сравнительно очень редко, по крайней мере реже,

чем с молдаванами» (Мошков 1901: 35).

Отметим, что в конце XIX – начале XX в. число межэтнических браков у гагаузов (и особенно у болгар) было небольшим не только из-за языковых различий или действия традиционных установок, предписывавших брак со своими. Существовали также объективные причины, связанные с половозрастной структурой населения. Из приводимых в работе священника Н. Стойкова сведений видно, что одна из причин заключалась в преобладании у задунайских переселенцев численности мужского населения: «Любопытно, – писал он, – что девушки не выходили замуж за вдовцов, исключения были единичные. Поэтому у вдовцов смешанные браки с украинцами, русскими, молдаванами» (Стойков 1910: 1512). Подтверждением тому в определенной степени являются архивные документы по с. Дезгинжа, из которых следует, что в 1909 г. в селе проживало всего 3007 душ обо-его пола гагаузов, молдаван – 23 души мужского пола и 103 души женского пола (НАРМ, ф. 208, оп. 10, д. 134, л. 103).

Значительно больший молдавский компонент был представлен в с. Бешгиоз (Копкуй). В начале XX в. там жило 1100 гагаузов и 300 молдаван (Берг 1923: 33). Однако ввиду того, что по соседству не было других молдавских сел, указанный этнический компонент со временем был полностью ассимилирован гагаузами. Напоминанием о том, что в этом населенном пункте, как и в ряде других, прежде компактно проживало молдавское население, служит наименование одной из его частей – «молдавская улица» (*moldovan sokaa / moldovan maalesi*).

Число молдаван в гагаузских селах могло незначительно пополняться за счет мужчин, нанимавшихся к гагаузам в качестве наемных работников. Женившись, они оставались там жить и довольно быстро ассимилировались: «В настоящее время многие из молдаван, имеющих сравнительно с гагаузами очень мало земли и потому живущих довольно бедно, идут к гагаузам в работники и научаются тогда гагаузскому языку» (Мошков 1901: 36).

Если говорить в целом, то процент молдавского компонента в подавляющем большинстве гагаузских сел был незначительным. В очерке по с. Чок-Майдан, отражающем ситуацию за последнюю четверть XIX в., приходской священник поименно называет лиц других национальностей, отмечая при этом, что все они уже ассимилировались. «Прихожане по нации болгары-гагаузы <...>. Но есть между ними несколько семейств и из других наций, а именно из молдаван: Никита Штирой и проч., русских Кичук и Задыр, болгар Ямбогло, Миниогло, Кружка, Горелко и друг. Впрочем, все они огагаузились» (Малай 1875: 745).

В связи с этим добавим, что в ходе сбора полевого материала в гагаузских селах юга Молдовы нам приходилось общаться с пожилыми женщинами – болгарками, молдаванками, цыганками, которые в свое время вышли замуж за гагаузов. Все инонациональные информаторы свободно и без акцента говорили на гагаузском языке. При этом, рассказывая об обычаях, обрядах и пище, они уточняли, какие из них не являются гагаузскими,

а привнесены ими самими в семью.

Одним из путей проникновения молдавской народной традиции в гагаузскую среду (в частности, что касается обычаев и обрядов, переплетающихся с православной обрядностью) были приходские священники «из молдаван», служившие в гагаузских приходах. Ярким тому примером является г. Комрат (Квилинкова 2013: 54-61; Квилинкова 2016: 634-644).

Таким образом, на территории Бессарабии у гагаузов положительно проходил процесс адаптации к природной и социокультурной среде, чему способствовал ряд факторов: межэтнические браки (прежде всего с молдаванами), религиозная общность, близкая культурная дистанция и др. Несмотря на то, что поселившиеся в гагаузских селах молдаване довольно быстро огагаузовались, они через семейные традиции и родственные связи привносили в гагаузскую среду молдавский компонент. Перенимая от них некоторые термины, календарные и семейные обычаи и обряды гагаузы тем самым не только обогащали свою культуру, но и становились им ближе. Данные о предках-молдаванах опрашиваемые нами информаторы сообщают с гордостью.

На территории Бессарабии процесс этнокультурного взаимодействия гагаузов и с молдаванами, и с болгарам был довольно результативным, о чем свидетельствуют заимствованные у них в этот период некоторые обряды, фольклорные сюжеты, терминология, национальные блюда и др. Проникновение различных элементов осуществлялось как через быт и повседневную культуру, так и через установленные тесные родственные связи, а также отношения кумовства. Между гагаузскими и болгарскими селами сохранялась традиционная форма межэтнического взаимодействия: организация и участие в совместных межсельских празднованиях – «сборах».

В культуре адаптации гагаузов (как к природно-климатическим условиям, так и к инокультурным традициям) нашли отражение особенности их менталитета: «Без умения приспособиться к условиям внешней среды вряд ли можно ожидать сохранения своей самобытности, элементов своей традиционной культуры» (Губогло 2007: 95).

Экс-башкан Гагаузии М. М. Формузал рассматривает этническую толерантность гагаузов и укорененный в их культуре принцип добрососедства как составную часть народного менталитета: «Обладая вспыльчивым характером и подчеркнутой национальной гордостью, гагаузы, в то же время, отличаются большой толерантностью и дружелюбием по отношению к другим народам. <...> Смешанные браки для гагаузов – вовсе не редкость, а скорее привычное явление. Гагаузы сумели выработать секрет выживания как в суровых климатических условиях, так и в нелегких экономических и политических условиях. <...> А между тем никакого „секрета“ не существует. Просто гагаузы, несмотря на чужеродную культурную, языковую и национальную среду, никогда не противопоставляли себя внешнему миру. Они понимали, что любое враждебное противопоставление – это изматывание жизненных сил народа, приводящее к краху и исчезновению его

с лица земли. <...> Гагаузы всегда уважительно относились к окружающим их народам, стремились к взаимообогащению культур и традиций. И история показала, что это лучшая формула поведения, единственная стратегия выживания для гагаузского народа» (Формузал 2007: 44-45). Таким образом, этническая толерантность выступает у гагаузов в качестве морально-этической нормы и нравственной ценности.

По убеждению ученых, смешанные браки являются важным и надежным показателем атмосферы межнациональной лояльности и интенсивности межэтнических контактов, которые способствуют формированию региональной идентичности (Губогло 2003: 427). Отметим, что у значительной части представителей гагаузской национальной элиты имеются болгарские или молдавские корни.

Тем не менее, возвращаясь к выводу В. А. Мошкова о том, что в смешанных семьях гагаузы отдают предпочтение молдаванам (а не болгарам), отметим, что он не только сохраняет свою актуальность, но и подтверждается результатами современных социологических опросов, проведенных молдавскими этнопсихологами. По опубликованным ими данным, «наиболее близкими группами для молодежи гагаузов являются – молдаване, русские и своя группа, которой отдано значительное предпочтение. <...> По маркерам молдаване ближе к гагаузам, чем группа русских» и болгар (Кауненко, Каунова, Иванова, 2015: 110).

Согласно результатам этносоциологических исследований, «среди гагаузов последовательно растет количество этнически смешанных браков – их процент за полвека возрос в 2 раза». При этом, по опубликованным в Статистическом ежегоднике Республики Молдова за 2014 г. сведениям, «в 2013 г. гагаузские мужчины чаще вступали в брак с женщинами своей национальности (72,4 %), реже с молдаванками (12,8 %), украинками (4,81 %), русскими (4,67 %), болгарками (4,08 %)» (Нягова 2018: 360). Цифры говорят сами за себя.

Приведенные данные указывают на то, что тенденция, о которой писал В. А. Мошков, спустя более чем сто лет сохраняется. Больше всего смешанных браков у гагаузов с молдаванами и меньше всего с болгарами, несмотря на то, что они веками живут по соседству и в этнически смешанных селах. Определенная дистанция в отношениях между гагаузами и болгарами требует тщательного анализа и объяснения. Возможно, что имеющая место дистанцированность в данном вопросе является следствием определенных сложившихся на Балканах исторических условий, процесса этногенеза гагаузов и их стремления отстоять и сохранить собственную этническую идентичность. Болгары смотрят на гагаузов свысока, считая их частью своего этноса, перенявшего язык турок-завоевателей. С этим категорически не согласны гагаузы, которые продолжают свято чтить наследие предков, включая в это понятие не только православную веру и народные обычаи, но и язык – «тюркчя».

Рассмотрение характера межэтнических отношений между гагаузами и болгарами требует также объяснения причин хорошо известного всем ис-

следователям исторического факта, приведенного в работе В. А. Мошкова, об определенной дистанцированности указанных этнических групп в с. Кирсово (отдельные площадки для танцев «хоро», разные кладбища; раздельное стояние в церкви во время богослужения и т. д.). Хотя следует оговориться, что в других смешанных гагаузско-болгарских селах до подобных крайностей не доходило.

Помимо смешанных браков и родства по свойству и крови иногда между гагаузами и болгарами возникали отношения на основе института крестного родства, которое приравнялось к кровному. Зажиточные болгары соглашались стать крестными у детей работников-гагаузов, о чем нам поведала информатор из гагаузского с. Бешгиоз, расположенного по соседству с болгарским с. Твардица (Квилинкова 2020а: 114).

Черты, которыми гагаузы характеризуют болгар, живущих с ними бок о бок много веков, в основном положительные. Но вместе с тем на бытовом уровне вполне отчетливо прослеживается их внутренняя реакция на некоторое высокомерно-пренебрежительное отношение к ним со стороны болгар. Гагаузы недовольны также тем, что в их населенных пунктах руководящие должности занимают в основном болгары. При этом они отмечают, что больше смешанных браков с болгарами наблюдается у гагаузов, проживающих в таких населенных пунктах, как Чадыр-Лунга, Томай, Джолтай (Квилинкова 2020а: 114-115).

Вместе с тем, нельзя не упомянуть об историческом примере мужества и солидарности, проявленного жителями соседних с Гагаузией болгарских и молдавских сел в конце октября 1990 г., когда при помощи молдавских волонтеров был организован «поход на Гагаузию». Гагаузы с благодарностью вспоминают героический поступок женщин из с. Твардица, не пропустивших колонну волонтеров через свой населенный пункт (Квилинкова 2014: 359), что способствовало предотвращению кровопролития на юге Молдовы. Приведенный пример солидарности между гагаузами и болгарами является отражением исторически проверенных добрососедских отношений. Он вписан не только в современную историю Гагаузии, но и в коллективную память народа.

Таким образом, из приведенных данных следует, что у бессарабских гагаузов было довольно много смешанных браков с молдаванами, но значительно меньше с болгарами, несмотря на более длительное совместное проживание и имеющееся между ними значительное сходство в области быта и традиционной обрядности. На наш взгляд, определенным катализатором дистанцированности между ними является вопрос о происхождении гагаузов. В связи с этим добавим, что если молдавские корни для теории о происхождении гагаузов не представляют опасности, то болгарские корни у исследователя-гагаузоведа вызывают настороженную реакцию в гагаузской научной и околонуучной среде. Если кем-либо из таких исследователей предпринимается попытка объективно раскрыть балканский пласт в культуре и этнической истории гагаузов, то борьба с ним ведется не с помощью фактов и научной аргументации, а путем навешивания ярлыка

«приверженец болгарской теории» о происхождении гагаузов. Несомненно также и то, что на дистанцированность между ними оказывают влияние и особенности их этнического самосознания.

На основе результатов этносоциологических исследований можно утверждать, что гагаузы представляют собой этническую общность, довольно открытую для межкультурных контактов и взаимодействия, но при этом способную противостоять ассимиляционным процессам. Ввиду малочисленности и постоянного проживания в полиэтничных регионах гагаузы на уровне генетического кода обладают способностью поддерживать добрососедские отношения с представителями различных этносов. Составной частью этнического сознания гагаузов является толерантное отношение к другим народам и культурам, что проявляется также в распространенности смешанных браков. Данная установка, зафиксированная в их кодексе традиционных нравственных ценностей, передается из поколения в поколение.

Литература

Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, 1923. 59 с.

Губогло М. Н. Апология труда. В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации», Комрат, 20–21 апреля 2007 г. Москва: Старый сад, 2007, с. 90-148.

Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Москва: Наука, 2003. 764 с.

Кауненко И. И., Каунова Н. Г., Иванова Н. В. Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания в Республике Молдова. Кишинев: Tipogr. „Elan Poligraf”, 2015. 292 с.

Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chișinău: Pontos, 2002. 184 с.

Квилинкова Е. Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. 568 с.

Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.

Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chișinău: Pontos, 2005. 308 с.

Квилинкова Е. Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.

Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2014. 472 с.

Квилинкова Е. Н. Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2015. 488 с.

Квилинкова Е. Н. Методика и практика этнологических исследований

(научно-методическое пособие). Кишинев: Tipogr. „Print Caro”, 2020б. 224 с.

Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София: Tip. Centrală, 2013. 872 с.

Квилинкова Е. Н. Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. „Print Caro”, 2020а. 344 с.

Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

Квилинкова Е. Н. Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2017. 424 с.

Малай К. Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда. В: Кишиневские епархиальные ведомости, 1875, № 20, с. 734-746.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. В: Этнографическое обозрение, 1901, № 2, с. 1-44.

НАРМ, ф. 208, оп. 10, д. 134, л. 103.

Нягова А. Г. Этнокультурные и этнодемографические процессы в современной гагаузской семье. В: Идентичность. Сборник докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения М. Н. Губогло». Комрат: Б. и., 2018, с. 357-362.

Стойков Н. (священник) Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени. В: Кишиневские епархиальные ведомости, 1910, № 42, с. 1510-1516.

Формузал М. М. Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития (этнополитическое эссе). В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме. «Адаптация культуры и культура адаптации», Комрат, 20–21 апреля 2007 г. Москва: Старый сад, 2007, с. 43-52.

Елизавета КВИЛИНКОВА, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

E-mail: cvilincova@mail.ru

ORCID 0000-0002-7168-8506